

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2026.17923

EDN: YTLYEJ

Духовно-эстетическое единство и многообразие русской литературной классики XIX в.

С. А. Кибальник

*Институт русской литературы (Пушкинский Дом),
Российская академия наук,
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)*

e-mail: kibalnik007@mail.ru

Аннотация. Статья представляет собой попытку показать духовно-эстетическое единство и многообразие русской литературной классики XIX в. на примере трактовки Ф. М. Достоевским, Л. Н. Толстым и А. П. Чеховым темы «воскресения». В статье показано, что данная тема вырабатывалась этими писателями не просто с оглядкой друг на друга, но в постоянном творческом диалоге между ними. Так, «Идиот» и «Подросток» были написаны не только в «художественной полемике» с Толстым, но и содержат достаточно прозрачные аллюзии на его личность. В свою очередь, Чехов в «Моей жизни» отчасти отталкивался от толстовства и глав «Воскресения», которые он слышал в чтении самого Толстого, а отчасти — от образов романа Достоевского «Идиот». Толстой же в «Воскресении», по-видимому, ориентировался не только на роман «Идиот», но и на «Подростка» Достоевского, а в окончательной редакции романа мог принять к сведению и чеховскую «Мую жизнь». При этом в разработке темы «воскресения» не только Толстой, но и — парадоксальным образом — Чехов во многом следуют за Достоевским. Таким образом, духовно-эстетическое единство русской литературной классики второй половины XIX в., разумеется, не предполагая единства мировосприятия, означает единство смыслового поля, в котором идет напряженный диалог-спор и имеет место некоторая близость эстетических основ, связанных с общими представлениями о целях и задачах искусства.

Ключевые слова: Достоевский, Толстой, Чехов, «Идиот», «Подросток», «Воскресение», «Моя жизнь», роман, повесть, прообраз, претекст, интертекстуальные связи

Для цитирования: Кибальник С. А. Духовно-эстетическое единство и многообразие русской литературной классики XIX в. // Проблемы исторической поэтики. 2026. Т. 24. № 3. С. 132–146. DOI: 10.15393/j9.art.2026.17923. EDN: YTLYEJ

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2026.17923

EDN: YTLYEJ

Spiritual and Aesthetic Unity and Diversity of Russian Literary Classics of the 19th Century

Sergey A. Kibalnik

*Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom),
Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russian Federation)*

e-mail: kibalnik007@mail.ru

Abstract. This article attempts to demonstrate the spiritual and aesthetic unity and diversity of 19th-century Russian literary classics, using Dostoevsky, Tolstoy, and Chekhov's treatment of the theme of "resurrection" as an example. It shows that this theme was shaped not merely through mutual reference but through the constant, intense dialogue between these writers. Thus, "The Idiot" and "The Adolescent" were written not only in "artistic polemic" with Tolstoy but also contain rather clear allusions to his personality. In turn, Chekhov's "My Life" drew partly on Tolstoyanism and on chapters of "Resurrection," which he had heard Tolstoy himself read, and partly on imagery from Dostoevsky's novel "The Idiot." In "Resurrection," Tolstoy apparently drew not only on "The Idiot," but also on Dostoevsky's "The Adolescent," and in the final version of the novel may also have taken into account Chekhov's "My Life." Moreover, in addressing the theme of "resurrection," not only Tolstoy but even, paradoxically, Chekhov largely follows Dostoevsky. Thus, the spiritual and aesthetic unity of Russian literary classics of the second half of the 19th century, while of course not presupposing a unity of worldview, signifies a unity of the semantic spiritual field within which an intense dialogue and debate unfolds, and in which there is a closeness of aesthetic foundations linked to shared notions of the goals and purposes of art.

Keywords: Dostoevsky, Tolstoy, Chekhov, "Idiot", "The Adolescent", "Resurrection", "My Life", novel, short novel, literary prototype, pretext, intertextual ties

For citation: Kibalnik S. A. Spiritual and Aesthetic Unity and Diversity of Russian Literary Classics of the 19th Century. In: *Problemy istoricheskoy poezii* [The Problems of Historical Poetics], 2026, vol. 24, no. 3, pp. 132–146. DOI: 10.15393/j9.art.2026.17923. EDN: YTLYEJ

Заявленная в заглавии достаточно широкая тема будет рассмотрена здесь лишь на примере темы «воскресения», причем на материале русской классики второй половины XIX в. Речь пойдет о «воскресении» в художественном мире Чехова, Достоевского и Толстого. Поскольку рассматривать эту тему я буду с точки зрения природы сходства между этими тремя писателями, то ее можно было бы шутливо обозначить как «Толсточеховский».

Понятие это, разумеется, в XIX в. никто не употреблял. Да и сейчас еще, кажется, не употребляют. Зато понятие «Толстоевский», которое с легкой руки Ильфа и Петрова, Набокова и других вошло в обиход¹, использовали уже тогда. Причем, вероятно, одним из первых это сделал сам Достоевский, правда, не в каком-то более общем понятии — соединении себя и Толстого как писателей, — как потом это новообразование будет употребляться впоследствии.

Летом 1874 г. в Эмсе Достоевский не сразу получил письмо от А. Г. Достоевской, потому что на почте неправильно расслышали его фамилию. И вот что он написал тогда жене по этому поводу:

«...здешний олух чиновник на *poste restante*, несмотря на то, что я уже раз 5 приходил спрашивать, воображал, что я не *Dostoevsky*, а *Tostoevsky*, и смотрел письма в отделе буквы Т...» [Ф. М. Достоевский, А. Г. Достоевская: 106].

Рискну предположить, что в этой истории определенную роль сыграло постоянное внутреннее сопоставление Достоевским себя с Толстым как, безусловно, с главным своим соперником на русском литературном Олимпе в 1870-е гг.

Не употребляя самого слова «Толстоевский», одним из первых о русской литературной классике как о едином целом начал писать, наверное, Мельхиор де Вогюэ. Современным ему французским натуралистам критик противопоставил русских реалистов, сосредоточивших внимание на духовных исканиях своих героев. Правда, в своей известной книге 1886 г.

¹ Впрочем, не так давно французский писатель и литературовед Пьер Байяр даже выпустил отдельную книгу о якобы существовавшем в XIX в. писателе по фамилии «Толстоевский», который и написал все произведения как Толстого, так и Достоевского (см. об этом: [Фокин]).

«Русский роман» Вогюэ, разумеется, еще ничего не пишет о Чехове, но зато посвящает отдельные главы Пушкину и Гоголю. Из писателей второй половины XIX в. он рассматривает Тургенева, Достоевского и Толстого, причем преимущественно в аспекте некоего духовно-эстетического единства русской литературной классики этого периода — независимо от того, присутствует или нет у этих писателей отчетливо выраженная христианская проблематика.

Тургенев в 1850-е гг., когда он, безусловно, был лучшим русским писателем, также создавал такие «книжки о народе», как «Записки охотника» (1852), и такие проникнутые «народной правдой» романы, как «Дворянское гнездо» (1859). То есть парадоксальным образом он выступал в них скорее славянофилом и даже, может быть, почвенником, чем западником.

Однако в 1880–1890-е гг. к своего рода «трем мушкетерам» русской литературной классики — Тургеневу, Достоевскому и Толстому — присоединяется четвертый, который, на первый взгляд, отличается от них куда больше, чем Д'Артаньян от Атоса, Портоса и Арамиса. Это Чехов, который и без того небезусловное духовно-эстетическое единство русской литературной классики как будто бы и вовсе разрушает. И тем не менее, на самом деле это не так. Попытаюсь показать это — в порядке обобщения и развития того, что уже писал на эту тему (см.: [Кибальник, 2025]), — на примере того, как Достоевский, Толстой и Чехов решали тему «воскресения».

У Достоевского, вопреки нашим ожиданиям, изображения «воскресения» почти нет. Гораздо чаще он изображает гибель своих героев без какого-либо «воскресения». В «Игроке», «Преступлении и Наказании», «Бесах» у Достоевского немало «погибших» героев — таких, как «генерал», Алексей Иванович, Свидригайлов, Ставрогин. Одни из них охарактеризованы — повествователем или другими героями — как «погибшие» люди, другие кончают жизнь самоубийством на страницах этих произведений (см. подробнее: [Кибальник, 2024a]).

«Воскресение» души человеческой — предмет настолько деликатный, что Достоевский если где-то и говорит о нем, то само «воскресение» не показывает и даже попытки изобразить его не делает. Например, в случае с Раскольниковым

он говорит об этом настолько обтекаемо, что Д. С. Мережковский, отталкиваясь от реплики героя Достоевского в «Эпilogе» романа: «Совесть моя спокойна», — утверждал, что он вообще не раскаивается [Мережковский: 213].

Однако через несколько страниц после этой реплики героя в «Эпilogе» следует сцена, в ходе которой Соня, наконец, видит, что Родион полюбил ее:

«В глазах ее засветилось бесконечное счастье; она поняла, и для нее уже не было сомнения, что он любит, бесконечно любит ее и что настала же наконец эта минута...» [Достоевский, 2016: 473].

Будучи хорошим психологом, Достоевский показывает, что внутреннее возрождение человека происходит не просто так, а зачастую через импульс, исходящий от его окружающих. Вот почему у героя Достоевского оно начинается не через раскаяние, а через любовь — как ответ на посвященность ему Сони (подробнее см.: [Григорьев]).

Далее следует знаменитая фраза о «воскресении», причем не только одного «убийцы», но и «блудницы», если воспользоваться собственными обозначениями Достоевского, так возмущавшими Набокова якобы своей безвкусицей [Набоков: 167]: «Их воскресила любовь, сердце одного заключало бесконечные источники жизни для сердца другого» [Достоевский, 2016: 473]. Но как именно это произошло, Достоевский не показывает. «Тут уж», дескать, «начинается новая история, <...> история постепенного перерождения его». И только буквально в двух словах к этой будущей «новой истории» дано предупреждение о том, что «новая жизнь не даром же ему достается». Это, дескать, уже «тема нового рассказа» [Достоевский, 2016: 474].

Аналогичным образом будущее «воскресение» Дмитрия Карамазова едва только намечено. Не случайно финал «Братьев Карамазовых» даже истолковывается самым различным образом. В то время как одни исследователи полагают, что Дмитрий Карамазов пойдет на каторгу, другие убеждены, что он бежит в Америку. Между тем у романа достаточно открытый финал. Лишь исходя из его общей художественной логики — и отчасти из художественной логики других произведений

Достоевского — мы можем судить о том, насколько верно утверждение Алеши в его «Речи у камня» о том, что Дмитрий «пойдет в ссылку» [Достоевский, 1976: 195] (см.: [Кибальник, 2021: 22–29]).

Что же касается таких взаимосвязанных произведений русской литературной классики, как «Идиот» Достоевского и «Воскресение» Толстого, то в центре внимания их авторов находятся попытки спасения «падшей женщины». Герой же повести Чехова «Моя жизнь» (1896) Мисаил Полознев, в отличие от Мышкина и Нехлюдова, всего лишь пытается найти жизненный путь, согласный с собственной совестью. Однако при этом Чехов наделяет своего героя не только близким к толстовству убеждением, что физическим трудом должен заниматься каждый человек, но и отчетливыми ассоциациями с князем Мышкиным, заражающим окружающих своим, на первый взгляд, несообразным с реальной действительностью идеализмом. Тем самым Мисаил также — как Мышкин — дает благодетельный пример всему своему окружению. В результате Анята Благово в финале повести, как и Вера Лебедева в «Идиоте», немного напоминает «верных последовательниц» Христа, которые «пошли за ним в Иерусалим» (см.: [Кибальник, 2025: 187–188]).

Иногда, впрочем, «воскресение нового человека» происходит в таких героях Достоевского, от которых, казалось бы, этого никак нельзя было ожидать. Одним из таких героев в «Бесах» является Степан Трофимович Верховенский, отец Петра Верховенского. Его «воскресение» столь же неожиданно, как и воскресение Лаевского в чеховской «Дуэли» (1892). Между тем это последнее «воскресение» казалось многим критикам Чехова не совсем логичным и убедительным [А. П. Чехов: pro et contra: 111]. Но оно ведь произошло, и в тексте произведения нет никаких словесных маркеров, чтобы считать его неокончательным.

Более того, Чехов, возможно, осознанно спорит с Толстым — с тем, что Алексей Каренин в его знаменитом романе «воскресает» только на то время, когда Анна оказывается при смерти. Чехов же хочет сказать: нравственное «воскресение» может

быть и окончательным, причем даже у таких людей, которые, как Лаевский и Каренин, кажется, были на него не способны.

Споря с Толстым, Чехов здесь, по-видимому, опирается на Достоевского. «Воскресение», например, Степана Трофимовича Верховенского также очень трудно было себе представить. Ведь Верховенский-старший, будучи в известной степени приживалом в доме Варвары Петровны Ставрогиной, внутренне вырастает в творчестве Достоевского из такого неприглядного героя, как Фома Фомич Опискин («Село Степанчиково и его обитатели»).

Вообще, между Лаевским и Верховенским-старшим немало общего. Они оба много болтают, едят и пьют, растрачивают чужие деньги, непрерывно берут займы и т. д. Это не столько «лишние», сколько изолгавшиеся, казалось бы, никуда не годные люди.

В соответствии с логикой сюжета чеховской повести, в котором трансформирован сюжет «Анны Карениной», Лаевский как человек, увезший чужую жену, функционально подобен Вронскому. Но Вронский почти все время ведет себя безукоризненно, а Лаевский лжет и не исполняет своего долга — ни по отношению к службе, ни по отношению к своей гражданской жене. В этом плане на протяжении большей части повести он гораздо больше похож на Верховенского-старшего: изображает из себя передового человека, а сам ни на что не годен. В финале «Дуэли» Лаевский неожиданно оказывается едва ли не Левиным — во всяком случае с точки зрения приверженности к труду и самодисциплине. Может быть, отчасти по этой причине в его фамилию «Лаевский» из пяти букв фамилии «Левин» входят целых четыре.

«Воскресение» обоих героев — и Лаевского, и Верховенского-старшего — происходит вследствие нравственного потрясения: проснувшегося чувства собственного достоинства, осознания привязанности к любимой женщине (у Лаевского — к Надежде Федоровне, у Степана Трофимовича — к Варваре Петровне Ставрогиной).

Такое же неожиданное, но тем не менее непреложное нравственное «перерождение» главного героя Чехов показывает и в своей повести «Жена» (1892), которая, между прочим, была

написана сразу вслед за «Дуэлью». Но «Дуэль» и «Жена» — это произведения если не раннего, то во всяком случае зрелого, но еще не позднего Чехова. Они были написаны в 1891–1892 гг. Может быть, тогда у позднего Чехова дело обстоит иначе?

Развивая мысль Н. В. Живолуповой, ранее я уже пытался детально показать, что в образе Мисаила Полознева Чехов, в сущности, создал свой вариант князя Мышкина (см.: [Живолупова: 15], [Кибальник, 2025: 182–189]). Еще одним отзвуком князя Мышкина у Чехова отчасти стал барон Тузенбах, которого недаром зовут **Николай Львович**, как если бы это был сын князя **Льва Николаевича** Мышкина, названный так в соответствии с традицией, бытовавшей в некоторых, особенно немецких, семьях (см. подробнее: [Кибальник, 2024b: 226]). И наконец, Толстой, по всей видимости, учитывал в «Воскресении» (1899), отдельные главы которого Чехов — еще до создания «Моей жизни» — слушал в чтении автора, художественный опыт не только Достоевского, но отчасти и Чехова.

Причем Толстой в своем произведении, вероятно, принимал во внимание не только роман «Идиот», но и «Подростка». Правда, он никогда не признавался в том, что читал этот роман Достоевского. Но мог ли он его не прочесть, коль скоро в нем содержатся не только, по выражению А. Л. Бема, «художественная полемика с Толстым», но и некоторые аллюзии на его личность — аналогичные имени-отчеству Мышкина «Лев Николаевич»? Я имею в виду, в частности, то, что имя Версилова находилось «в Тульской губернии», а его гражданскую жену зовут «Софья Андреевна» (см.: [Бем: 549]).

Основную сюжетную коллизию романа «Идиот» Толстой в «Воскресении» трансформировал в сторону большей естественности. В отличие от Мышкина, Нехлюдов пытается спасти Катюшу Маслову, которую соблазнил не кто-то другой, а он сам. В «Подростке» же был сделан еще один существенный шаг в сторону коллизии, впоследствии разработанной в романе Толстого. Версильов влюблен в Катерину Николаевну Ахмакову, но у него семья, пусть и незаконная, с его бывшей крепостной — Софьей Андреевной Долгорукой.

Возвращаясь к Чехову, можно сказать, что теме «воскресения» он парадоксальным образом оказался верен до самого конца. Причем если иногда более характерной для него считают тему «открытия» или «пробуждения», разработанную в таких рассказах, как «Тапер» (1885), «Переполюх» (1885), «Знакомый мужчина» (1886) (см.: [Катаев: 10–23]), а впоследствии в повести «Жена» (1892) и в рассказе «Учитель словесности» (1894), то на самом деле в его зрелом и позднем творчестве не меньше произведений о «воскресении».

Так, в одном из последних рассказов Чехова — «Дама с собачкой» (1899) — имеет место «воскресение» души героя любовью, которое было намечено в «Преступлении и Наказании». И хотя само по себе воссоединение Гурова с Анной Сергеевной — еще дело будущего: «Самое сложное и трудное только еще начинается...» [Чехов. Сочинения; т. 10: 143], однако воскресение или «пробуждение» героя уже произошло.

Чехов неслучайно почти повторяет формулу «Эпилога» к «Преступлению и Наказанию». Только формула Достоевского «их изменила любовь» варьирована (а, может быть, и трансформирована) Чеховым в несколько иную, более пространную: «эта их любовь изменила их обоих» [Чехов. Сочинения; т. 10: 143].

Оговорюсь, что в целом ряде работ современных исследователей развивается своего рода постмодернистский взгляд на этот рассказ, ставящий «любовь» и «воскресение» под сомнение. Однако заметим, что все эти слова принадлежат автору и, стало быть, делать это нет никаких оснований².

Вообще, «Дама с собачкой» — это отчасти полемическая реплика Чехова на его собственный рассказ «О любви» (1898). Писатель как бы задает в ней вопрос о героях этого рассказа Алехине и Анне Алексеевне: «А почему собственно они не могут быть счастливы? Кто мешает, например, Алехину поехать

² Точно так же нет оснований противопоставлять как якобы положительного героя-деятеля Николая Ивановича Чимшу-Гималайского его старшему брату, якобы оторванному от жизни идеалисту Ивану Ивановичу — несмотря на то, что и сам он изображен далеко не апологетически. Отсылаю к моей статье «Чехов и постбахтинская традиция его творчества», в которой я попытался критически разобрать представление о «неопределенности» творчества Чехова, присущее ряду современных чеховедов (подробнее см.: [Кибальник, 2024a]).

в Крым вслед за женщиной, которую он любит?». Недаром Гуров отчасти похож на Алехина, а Анна Сергеевна — на Анну Алексеевну. Разве что в «Даме с собачкой» семья и дети уже не у героини, а у героя.

Тем не менее, по Чехову, все это — вопреки в том числе и «Анне Карениной» Толстого — вовсе не означает, что его герои не могут быть счастливы, ведь к высшему кругу они не принадлежат, а значит, никакие великосветские предрассудки не могут стать для этого причиной (подробнее см.: [Кибальник, 2023]).

Обобщая, можно сказать, что в зрелом творчестве Чехова постоянно ощущается опора на эстетику «преображения человека». И, следовательно, русская литературная классика середины и второй половины XIX в. действительно представляет собой определенное духовно-эстетическое единство. Только это единство не статическое, а динамическое — и даже, может быть, «диалогическое».

Нельзя не отметить здесь то, что, постоянно толкуя о далеко не безусловной бахтинской «диалогичности» слова в романе Достоевского (см.: [Кибальник, 2024с]), современная наука о литературе до сих пор недооценивает того реального и простого диалогизма, который пронизывает творчество Тургенева, Достоевского, Толстого и Чехова. Это диалогизм постоянного скрытого разговора, а то и спора их друг с другом и с другими писателями-современниками (см. об этом, например: [Захаров, 2013, 2025]).

Вот в каком смысле стоит, на мой взгляд, говорить о духовно-эстетическом единстве русской литературной классики. Разумеется, не предполагая единства мировосприятия, оно означает единство смыслового духовного поля, в котором идет диалог-спор и имеет место близость эстетических основ, связанных с общими представлениями о целях и задачах искусства.

Список литературы

1. А. П. Чехов: pro et contra: творчество А. П. Чехова в русской мысли конца XIX — начала XX в. (1887–1914): антология. СПб.: Изд-во РХГИ, 2002. 1072 с. (Сер.: Русский путь.)
2. Бем А. Л. Художественная полемика с Толстым (К пониманию «Подростка») // Вокруг Достоевского: в 2 т. М.: Русский путь, 2007. Т. 1: О Достоевском: сб. ст. под ред. А. Л. Бема: Прага: 1929/1933/1936 / сост., вступ. ст., коммент. М. Магидовой. С. 535–551.
3. Григорьев Д. Евангелие и Раскольников // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. Вып. 7. С. 296–301 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2669> (16.06.2026). EDN: RUYLQV
4. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Л.: Наука, 1976. Т. 15: Братья Карамазовы. Кн. 11–12. Эпилог: Рукописные ред. / текст подгот. и примеч. сост. А. И. Батюто и др. 624 с.
5. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: в 35 т. / подгот.: К. А. Баршт и др. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Наука, 2016. Т. 6: Преступление и наказание / подгот. С. В. Березкина. 480 с.
6. Живолупова Н. В. Достоевский и Чехов: аспекты архитектоники и поэтики: [сб. ст.]. Н. Новгород: Дятловы горы, 2017. 268 с. (Сер.: Рос. об-во Ф. М. Достоевского = The International Dostoevsky Society.)
7. Захаров В. Н. Полемика как диалог: Достоевский в споре с Л. Толстым // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. Вып. 11. С. 242–255 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1431516700.pdf (16.06.2026). EDN: KRDSID
8. Захаров В. Н. Концепция романа как творческий диалог Толстого и Достоевского: «Война и мир» и «Преступление и Наказание» // Проблемы исторической поэтики. 2025. Т. 23. № 2. С. 159–176 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1749664041.pdf (16.06.2026). DOI: 10.15393/j9.art.2025.15202. EDN: TBLEDG
9. Катаев В. Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. М.: Изд-во МГУ, 1979. 327 с.
10. Кибальник С. А. Метафора свободы или аллегория самоубийства? «Америка» в художественном мире Достоевского // Литература двух Америк. 2021. № 11. С. 8–33 [Электронный ресурс]. URL: https://www.litda.ru/images/2021-11/LDA-2021-11_8-33_Kibalnik.pdf (16.06.2026). DOI: 10.22455/2541-7894-2021-11-8-33. EDN: TWMMJU
11. Кибальник С. А. Гипертексты «Анны Карениной» у Чехова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28. № 3. С. 437–450 [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.rudn.ru/literary-criticism/article/view/36785/22759> (16.06.2026). DOI: 10.22363/2312-9220-2023-28-3-437-450. EDN: SAOAJQ

12. Кибальник С. А. Идея «восстановления погибшего человека» в русской классике (Достоевский, Толстой, Чехов) // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22. № 1. С. 157–175 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1708001936.pdf (16.06.2026). DOI: 10.15393/j9.art.2024.12882. EDN: XSBXCW (a)
13. Кибальник С. А. «Три сестры» Чехова и их претекст у Достоевского // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 87. С. 221–232 [Электронный ресурс]. URL: <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/services/Download/koha:001134264/SOURCE1?view=true> (16.06.2026). DOI: 10.17223/19986645/87/12. EDN: SENXKU (b)
14. Кибальник С. А. Чехов и бахтинская традиция интерпретации его творчества // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2024. Т. 2. № 2. С. 51–64. DOI: 10.20339/PhS.2.2-24.051. EDN: QVGSKH (c)
15. Кибальник С. А. Князь Мышкин под пером Толстого, Чехова и Пастернака // Проблемы исторической поэтики. 2025. Т. 23. № 2. С. 177–200 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1749664061.pdf (16.06.2026). DOI: 10.15393/j9.art.2025.15044. EDN: PXQWZM
16. Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский: вечные спутники: [очерки]. М.: Республика, 1995. 624 с. (Сер.: Прошлое и настоящее.)
17. Набоков В. В. Лекции по русской литературе. М.: АСТ, Corpus, 2025. 544 с. (Сер.: Набоковский корпус.)
18. Ф. М. Достоевский, А. Г. Достоевская. Переписка / изд. подгот. С. В. Белов и В. А. Туниманов. Л.: Наука, 1976. 490 с. (Сер.: Литературные памятники.)
19. Фокин С. Л. «Загадка Толстоевский», или Не следует ли наконец подумать о смиренной рубашке для изобретателя теоретических фикций? (Рец. на кн.: Bayard P. L'Enigme Tolstoievski. P., 2017) // Новое литературное обозрение. 2019. № 3. С. 333–338. EDN: KMGKEC
20. Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 18 т. Письма: в 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; редкол.: Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.), Д. Д. Благой, Г. А. Бялый, А. С. Мясников, Л. Д. Опульская (зам. гл. ред.), А. И. Ревякин, М. Б. Храпченко. М.: Наука, 1974–1983.

References

1. A. P. Chekhov: *pro et contra: tvorchestvo A. P. Chekhova v russkoy mysli kontsa XIX — nachala XX veka (1887–1914): antologiya* [A. P. Chekhov: *Pro et Contra: The Works of A. P. Chekhov in Russian Thought of the Late 19th — Early 20th Century (1887–1914): An Anthology*]. St. Petersburg, Russian Christian Humanitarian Institute Publ., 2002. 1072 p. (Ser.: The Russian Way.) (In Russ.)
2. Bem A. L. Artistic Polemic with Tolstoy (Toward an Understanding of “The Adolescent”). In: *Vokrug Dostoevskogo: v 2 tomakh* [Around Dostoevsky:

- in 2 Vols]. Moscow, Russkiy put' Publ., 2007, vol. 1: About Dostoevsky: Collection of Articles Edited by A. L. Bem: Praga: 1929/1933/1936, pp. 535–551. (In Russ.)
3. Grigoriev D. The Gospel and Raskolnikov. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2005, vol. 7, pp. 296–301. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2669> (accessed on June 16, 2026). EDN: RUYLQB (In Russ.)
 4. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [The Complete Works: in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., vol. 15: The Brothers Karamazov. Books 11–12. Epilogue: Manuscript Versions. 624 p. (In Russ.)
 5. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 35 tomakh* [The Complete Works and Letters: in 35 Vols]. 2nd ed., revised and supplemented. St. Petersburg, Nauka Publ., 2016, vol. 6: Crime and Punishment. 480 p. (In Russ.)
 6. Zhivolupova N. V. *Dostoevskiy i Chekhov: aspekty arkhitektoniki i poetiki: sbornik statey* [Dostoevsky and Chekhov: Aspects of Architectonics and Poetics: Collection of Articles]. Nizhny Novgorod, Dyatlovyy gory Publ., 2017. 268 p. (Ser.: The International Dostoevsky Society.) (In Russ.)
 7. Zakharov V. N. The Polemics as a Dialogue: Dostoevsky in a Controversy with Tolstoy. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2013, vol. 11, pp. 242–255. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1431516700.pdf (accessed on June 16, 2026). EDN: KRDSID (In Russ.)
 8. Zakharov V. N. The Concept of the Novel as a Creative Dialogue Between Tolstoy and Dostoevsky: “War and Peace” and “Crime and Punishment”. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2025, vol. 23, no. 2, pp. 159–176. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1749664041.pdf (accessed on June 16, 2026). DOI: 10.15393/j9.art.2025.15202. EDN: TBLEDG (In Russ.)
 9. Kataev V. B. *Proza Chekhova: problemy interpretatsii* [Chekhov's Prose: Problems of Interpretation]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 1979. 327 p. (In Russ.)
 10. Kibal'nik S. A. A Metaphor of Freedom or an Allegory of Suicide? “America” in Dostoevsky's Works. In: *Literatura dvukh Amerik* [Literature of the Americas], 2021, no. 11, pp. 8–33. Available at: https://www.litda.ru/images/2021-11/LDA-2021-11_8-33_Kibalnik.pdf (accessed on June 16, 2026). DOI: 10.22455/2541-7894-2021-11-8-33. EDN: TWMMJU (In Russ.)
 11. Kibal'nik S. A. Anna Karenina's Hypertexts in Chekhov's Works. In: *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistsika* [RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism], 2023, vol. 28, no. 3, pp. 437–450. Available at: <https://journals.rudn.ru/>

- literary-criticism/article/view/36785/22759 (accessed on June 16, 2026). DOI: 10.22363/2312-9220-2023-28-3-437-450. EDN: SAOAJQ (In Russ.)
12. Kibal'nik S. A. The Idea of "Restoration of a Ruined Person" in Classic Russian Literature (Dostoevsky, Tolstoy, Chekhov). In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2024, vol. 22, no. 1, pp. 157–175. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1708001936.pdf (accessed on June 16, 2026). DOI: 10.15393/j9.art.2024.12882. EDN: XSBXCW (In Russ.) (a)
 13. Kibal'nik S. A. Chekhov's "Three Sisters" and Its Dostoevsky's Pretext. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Philologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2024, no. 87, pp. 221–232. Available at: <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/services/Download/koha:001134264/SOURCE1?view=true> (accessed on June 16, 2026). DOI: 10.17223/19986645/87/12. EDN: SENXKU (In Russ.) (b)
 14. Kibal'nik S. A. Chekhov and the Bakhtin Tradition of Interpreting His Works. In: *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshey shkoly* [Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education], 2024, vol. 2, no. 2, pp. 51–64. DOI: 10.20339/PhS.2.2-24.051. EDN: QVGSKH (In Russ.) (c)
 15. Kibal'nik S. A. Prince Myshkin Rewritten by Tolstoy, Chekhov, and Pasternak. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2025, vol. 23, no. 2, pp. 177–200. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1749664061.pdf (accessed on June 16, 2026). DOI: 10.15393/j9.art.2025.15044. EDN: PXQWZM (In Russ.)
 16. Merezhkovskiy D. S. L. *Tolstoy i Dostoevskiy: vechnye sputniki: ocherki* [L. Tolstoy and Dostoevsky: Eternal Companions: Essays]. Moscow, Respublika Publ., 1995. 624 p. (Ser.: Past and Present.) (In Russ.)
 17. Nabokov V. V. *Lektsii po russkoy literature* [Lectures on Russian Literature]. Moscow, AST Publ., Corpus Publ., 2025. 544 p. (Ser.: The Nabokov Corpus.) (In Russ.)
 18. F. M. Dostoevskiy, A. G. Dostoevskaya. *Perepiska* [F. M. Dostoevsky, A. G. Dostoevskaya. Correspondence]. Leningrad, Nauka Publ., 1976. 490 p. (Ser.: Literary Monuments.) (In Russ.)
 19. Fokin S. L. "The Tolstoevsky Enigma", or Should We Finally Come up with a Straitjacket for Inventors of Theoretical Fiction? (Review of Pierre Bayard's Book *L'Enigme Tolstoievski*, Minuit, 2017). In: *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2019, no. 3, pp. 333–338. EDN: KMGKEC (In Russ.)
 20. Chekhov A. P. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 tomakh. Sochineniya: v 18 tomakh. Pis'ma: v 12 tomakh* [The Complete Works and Letters: in 30 Vols. Works: in 18 Vols. Letters: in 12 Vols]. Moscow, Nauka Publ., 1974–1983. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Кибальник Сергей Акимович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом), Российская академия наук (наб. Макарова, 4, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5937-5339>; e-mail: kibalnik007@mail.ru.

Sergey A. Kibalnik, PhD (Philology), Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom), Russian Academy of Sciences (nab. Makarova 4, St. Petersburg, 199034, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5937-5339>; e-mail: kibalnik007@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 01.07.2026

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 28.08.2026

Принята к публикации / Accepted 29.08.2026

Дата публикации / Date of publication 18.09.2026